

ИСТОРИКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00496.

Рассматривается вклад историков, археологов и этнографов в изучение проблемы происхождения олонхо – героического эпоса якутов, результаты исследований которого способствуют решению таких важнейших вопросов эпосоведения, как историческое место и время сложения и развития эпического творчества у древнейших предков современных якутов. Прослеживается мысль, что генезис эпоса тесно связан с происхождением самого этноса – носителя эпической традиции.

Ключевые слова: эпос; олонхо; этнос; генезис; общность языка; тюрки; хунны; курыканы.

В якутоведческой литературе установилось мнение, согласно которому происхождение якутского героического эпоса связано с культурой древнего населения Южной Сибири. Главный аргумент в пользу этого мнения – общность языка якутов с языками тюркоязычных этносов этого региона. Это – очень серьезный аргумент, когда речь идет об этногенезе народов, ибо, как говорил выдающийся историк XVIII в. Г.Ф. Миллер, «характеристическое различие народов состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. **Единственный безошибочный признак есть язык:** где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего *искать единоплеменности*» [1. С. 31]. Исходя из этого принципиального положения, историк допускал, что якуты имеют общее происхождение с тюркскими народами, писал, что они «и татары из древних лет один народ были» [2. С. 25–26]. Но он затруднялся ответить на вопрос: когда, как, каким образом якуты оказались отторгнутыми от основного массива тюркских народов. Несмотря на абсолютизацию принципа языкового сходства в решении этногенетических проблем, аргументация Г.Ф. Миллера оказалась живучей: вслед за ним почти все якутоведы по принципу языкового сходства располагали предков современных якутов на юге, точнее в южных районах Сибири.

Ставя вопрос о прародине предков якутов, историк, этнограф XX в. Г.В. Ксенофонтов, детально разобрав размышления Миллера на эту тему, установил, что историк оставил после себя «более глубокое обоснование гипотезы Страленберга об *исходе предков якутов из монгольских степей*», а время их переселений оттуда относил «к эпохе возвышения монголов при Чингис-Хане» [3. С. 61]. Иными словами, Ксенофонтов напомнил, что еще в XVIII в. были обозначены три позиции, от которых предстояло отгаливкаться в дальнейшем при изучении важнейших проблем происхождения якутского этноса: 1) языковая общность с тюркскими народами; 2) Южная Сибирь, откуда произошли предки якутов и 3) эпоха возвышения империи Чингисхана – время переселений предков якутов из первоначального местожительства. Сама постановка этих вопросов – выдающееся достижение историографии Якутии XVIII в., но оно должно было пройти проверку временем. Так и произошло. Почти все авторы, в той или иной мере касавшиеся

вопросов происхождения якутского народа, не могли пройти мимо этих положений Г.Ф. Миллера, поддержанных в свое время такими авторами XVIII в., как И.Э. Фишер, И.Г. Гмелин, И.Г. Георги.

В XIX в. проблемы происхождения якутов касались многие авторы, но среди них особо выделяется фигура **В.Л. Серошевского** – автора специального фундаментального этнографического труда о якутах [4. С. 736], получившего широкое признание якутоведов. Наш интерес к Серошевскому многократно усиливается тем, что в его работе особая, самостоятельная глава посвящена происхождению якутов и названа «О южном происхождении якутов» [Там же. С. 101–174]. Это означает, что автор намеревался высказать определенную точку зрения на поднятую им же проблему.

Так и есть. Само название главы выдает В.Л. Серошевского как решительного сторонника теории южного происхождения якутов. Другое дело – какими аргументами он подкрепляет свое мнение. Сразу отметим: эти аргументы опираются на данные памятников устного народного творчества: исторических преданий и олонхо – героического эпоса якутов. О последнем Г.В. Ксенофонтов писал: «Заслуга Серошевского заключается в том, что он наметил важность былинных образов и картин, в которых может жить, так сказать, отблеск того, что когда-то переживалось предками якутов» [3. С. 82].

Продолжая мысль о южном происхождении якутов, Серошевский задавал себе закономерный вопрос: «Где, однако, были степи, первоначально воспитавшие якутов»? Вопрос, имеющий прямое отношение к нашей теме. Автор «Якутов» считал, что «решить трудно» этот вопрос, но, сближая южно-тюркские племена с предками якутов, он писал: «Все эти племена, скотоводы, охотники постоянно двигались и, уже на памяти истории, несколько раз меняли свои территории. Этническая к ним близость якутов мало выяснит, где был последний якутский на юге этап» и высказал совершенно справедливое суждение: «Что-нибудь достоверное по этому вопросу можно разве описать от дешифровки и разработки орхонских, уйгурских и монгольских надписей, а также минусинских и енисейских писаниц» [4. С. 188, 197]. Однако Г.В. Ксенофонтов, следуя за рассуждениями Серошевского, выяснил, что в «его суждениях чаще фигурируют степи Верхоленские, Манзурские, Балаганские, Красноярские, Минусинские, а о возможности

исхода якутов из собственно монгольских степей он нигде не заикнулся» [3. С. 83].

Признание южного происхождения якутов привело Серошевского к другому важному, имеющему отношение к нашей теме вопросу о путях их перехода с юга на север, на места современного обитания. Он констатировал: «О пути, по которому прошли якуты на север, также ничего не известно; они нигде не оставили следов, унося все с собой, как истые номады» [4. С. 197] и сослался на мнение большинства авторов, указывающих на вероятный путь: Байкал, Верхоленские степи и дальше вниз по Лене. Но он склонялся к признанию второго пути: с Енисея на восток в Ангару, через многие реки, долины которых изобилуют пастбищами и по которым «истари кочевали скотоводы», и потом вниз по Лене. Интересно его утверждение о том, что «переход якутов с юга в места настоящего жительства длился, по всей вероятности, очень долго. Возможно даже, что он совершился по частям, в несколько промежутков, разделенных веками, и что в состав якутского народа вошли родственные, но различные по своей родине племена. Долго, десятки, а может быть, и сотни лет, они отдыхали в тех степных участках, которые попадались им по пути, высылая далеко вперед в виде щупальцев свои передовые отряды» [Там же. С. 199]. И все же удивительно: при всем том Серошевский нигде не указывает места «отдохновения» древних якутов, где они могли общаться с монгольскими племенами.

Далее В.Л. Серошевский писал: «Если трудно установить точно место южной родины якутов и путь их на север, то еще труднее, почти невысказано, указать на время их выхода» с юга [Там же. С. 200]. Проанализировав одно якутское предание на эту тему, он пришел к интересному выводу: «Мы лично склоняемся к тому мнению, что якуты, по крайней мере, значительная их часть *задолго до царствования Чингисхана* уже попали в эту вполне изолированную от остального мира впадину, окруженную со всех сторон широким горным поясом, где они проживали независимые и никому не известные до самого пришествия русских» [Там же]. Для нас этот вывод представляет прямой интерес, ибо он отодвигает время прихода якутов в Лену на «задолго» до времен Чингисхана, хотя, конечно, и эта датировка осталась нераскрытой. Конечно же, он также недостаточно аргументирован, но высказан публично, являясь итогом размышлений исследователя-этнографа.

Заслуга В.Л. Серошевского заключается в том, что он специально рассмотрел проблему происхождения якутского народа, выявил ее составляющие (языковое родство с другими этносами, место, с которым связана древняя история, время выхода из первоначальной родины), что создает благоприятную почву для историко-сравнительного изучения якутского героического эпоса с эпосами народов Южной Сибири. Нельзя не обратить внимания на то, что Серошевский, когда пишет об олонхо, часто использует такие понятия, как «древность», «прошлое», связывая происхождение эпоса с происхождением якутского этноса. Его видение проблемы – достижение дореволюционного яку-

товедения, хотя ему не удалось подняться до уровня постановки вопроса об установлении этнического состава предков якутов, что помогло бы определению того народа или группы народов, от которых они в глубокой древности оторвались. Но, как бы то ни было, положения Серошевского о происхождении якутов оказались полезными в науке – от них в дальнейшем отталкивались многие якутоведы, включая в первую очередь авторов новой, советской формации. Из них особо выделим Г.В. Ксенофонтова – автора капитальной монографии «Ураангхай – сахалар», в которой он проблеме происхождения якутов посвятил специальную 5-ю главу «Южное происхождение якутов» [3. С. 204–226]. Автор без обиняков обозначил свою принципиальную позицию: «В историко-этнографической литературе почти не вызывает спора и возражений утверждение, что *якуты в бассейне Лены являются пришельцами из далекого юга* и что в более ранние исторические эпохи *они обитали в области верхней Лены и Ангары, прилегающей к озеру Байкал*» [Там же. С. 204–205]. Ясно, что Ксенофонтов – сторонник В.Л. Серошевского, но он пошел дальше в аргументации, считая, что «господствующий экономический быт якутов» – разведение рогатого и конного скота – также свидетельствует о родстве с тюрками «более южных широт Сибири и дальше обширных степей Центральной Азии», ибо якутское скотоводство представляло «ответвление» всего комплекса хозяйственного строя тюрков этого региона. Подробно объяснив распространение скотоводческой культуры на новой территории обитания якутов, Ксенофонтов отвергает мысль некоторых авторов о том, что якуты со своим конным и рогатым скотом переселились на Лену «всего-навсего за три-четыре века до прихода русских» [Там же. С. 216], и косвенным образом солидаризуется с датировкой В.Л. Серошевского о том, что все это происходило задолго до эпохи Чингисхана.

Вместе с тем Г.В. Ксенофонтов, допуская мысль о *древности* якутского этноса и его прихода в бассейн Лены, не сумел привести сколько-нибудь серьезных аргументов в подтверждение своей позиции, хотя неоднократно ссылаясь на важную роль как исторических источников, героического эпоса якутов, сохранившегося «до наших дней в устах народа почти в полной неприкосновенности» и который «не может не поразить исключительный дар якутов в области словесного творчества». Но приходится констатировать, что он допускал слишком вольное понимание героического эпоса, например определяя его «как повествовательный прозаический фольклор» [Там же. С. 172] и подменяя анализ эпоса анализом исторических преданий.

С точки зрения новизны, размышления Г.В. Ксенофонтова о южных этапах древней истории якутов не смогли поколебать на принципиальном уровне достижения предшественников. Потому его замечание, адресованное авторам «старого времени», о том, что поставленные ими «основные вопросы по древней истории якутов, а именно установление их этнического родства и той группы народов, от которых предки

якутов отделились, точное определение их раннего местожительства, а также приблизительные даты якутских переселений на Лену остались неразрешенными» [3. С. 164], позволительно адресовать и ему.

Наверное, совсем не случайно Г.В. Ксенофонов вспомнил археологическую науку, возложил на нее большую надежду, считая, что «при разрешении многих вопросов по древней истории большим успехом и популярностью пользуется вещественный архив самой древности, различные археологические памятники прошлого» [Там же. С. 170]. Призыв Ксенофонтова услышал молодой тогда **А.П. Окладников**, приступивший к изучению древних этапов истории Якутии по данным археологических памятников. Итоги своих исследований он изложил в обобщающей работе, посвященной прошлому Якутии до вхождения ее в состав Русского государства [4. С. 36]. Из этой работы для нас представляет интерес первый раздел – «Происхождение якутского народа» в той части работы, которую автор уделит «Ранней истории якутского народа».

Рассмотрев представления якутов о юге, степные пережитки в хозяйстве и военной технике якутов, южные элементы в одежде якутов, якутский эпос (олонхо) и его связь с югом, А.П. Окладников весьма убедительно доказывает южно-сибирское происхождение тюркских предков якутов, располагая их *в стране, где «имелись настоящие степи рядом с тяжелыми массивами, горными хребтами и возвышенностями типа таскыл – гольцов Саяно-Алтайской системы»* [Там же. С. 234]. А изучение языка якутов еще более углубило это мнение, а главное – обосновать еще более интересный вывод: «По данным языка среди тюркских народов или племен, наиболее родственных якутам по языку, должны были находиться те, которые говорили на языке, близком или тождественном языку орхоно-енисейских надписей. Этот факт в сочетании с другими данными позволяет поставить историю предков якутов в определенную связь с историей *тюркских племен и народов средневекового времени, пользовавшихся орхоно-енисейской письменностью*» [5. С. 281]. В другом месте он уточняет, что эта письменность принадлежала VII–VIII вв. [Там же. С. 278]. Иными словами, А.П. Окладников ответил на три вопроса: 1) происхождение предков якутов с юга; 2) предки якутов располагались на территории Саяно-Алтайской горной системы; 3) предки якутов в этническом плане были близки к носителям орхоно-енисейской письменности VII–VIII вв. Эти положения имеют прямое отношение к нашей теме, тем более они сформулированы на основе анализа главным образом памятников якутского героического эпоса – олонхо.

Вместе с тем приходится признать, что в «Истории Якутской АССР» А.П. Окладникова раздел, посвященный древнему этапу истории якутского народа, построен на фольклорных материалах, а археологические источники не получили должного использования. Так что вышеприведенный призыв Г.В. Ксенофонтова сохранил свою актуальность во все последующее время после А.П. Окладникова. Несмотря на

это, заслуга Алексея Павловича заключается в том, что его понимание древней истории якутов позволяет продолжить изучение проблемы в историко-сравнительном ключе с историей и этнографией народов Южной Сибири, а в нашем случае – якутского эпоса с эпосами тюркоязычных народов этого региона.

В этом контексте исключительно важное значение имеет положение А.П. Окладникова о близости предков якутов к этническим носителям орхоно-енисейской письменности VI–VIII вв. н.э. Поэтому на этом вопросе остановимся более подробно.

Возникает вопрос: а кто такие орхонские тюрки? Согласно достижениям классической тюркологии, орхонские тюрки – конфедерация тюркоязычных племен Центральной Азии V–VII вв. во главе с племенем ашина. В 265–460 гг. ашина входила в состав позднегуннских государств, завоевавших Хэси (Западный Китай) и часть Восточного Туркестана. В 460 г. племя было подчинено жужанами и переселено на Алтай, где возглавило племенной союз, принявший наименование **тюркского**. В 551–555 гг. оно разгромило жужан и создало в 552 г. Тюркский каганат с центром на р. Орхон (Монголия) [6. С. 66–113].

Как явствует из этих данных, этническая общность тюрков, по данным исторической науки, стала известной на Алтае в середине V в. н.э. Можно предположить, что истоки этнической истории тюркоязычных предков якутов уходят своими корнями к этому историческому времени и к этой исторической территории, имея в виду, что название «тюрк» первоначально имело только политическое значение и то, что на этой территории впоследствии происходили очень сложные этнические процессы. Для нас же важно, что обозначается интересная линия изучения происхождения якутского героического эпоса – олонхо. Но изучение проблемы затрудняется из-за сложности самой истории Тюркского каганата.

Тюркский каганат, созданный в 552 г. н.э., просуществовал до 745 г., пережив непрерывные внешние и внутренние войны и межплеменные усобицы, распад на враждебные друг другу восточную (центрально-азиатскую) и западную (средне-азиатскую) части. Западный каганат распался в 740 г., а Восточный был разгромлен уйгурами в 745 г. [7. С. 363–372]. Почти 200-летнее существование Тюркского каганата не осталось без следа в истории. Его историческое значение заключается в том, что каганат сыграл важную роль в консолидации тюркоязычного населения Евразии и способствовал дальнейшему развитию этнических групп, составивших впоследствии основу современных тюркоязычных народов. Остается выяснить вопрос – какая этническая группа древних тюрков составила основу современных якутов?

Ясно, что без четкого ответа на вопрос об истоках этнической истории современных якутов невозможно представить себе решение и других вопросов, в том числе древней духовной культуры якутов. Тем более это касается древнейших истоков якутского героического эпоса олонхо. Потому и предстоит вновь разбираться в вопросе о происхождении самого якутского народа, проследив его этногенетические контакты.

Выше мы констатировали, что А.П. Окладников связывает предков якутов с носителями орхон-енисейской письменности тюрков VII–VIII вв. н.э. Преимущество этого вывода археолога состоит в том, что он более конкретен – первоначальное место размещения предков якутов привязано к определенному региону, время – к определенному периоду истории Тюркского каганата. Следовательно, при дальнейшем изучении генезиса олонхо мы можем отталкиваться от данного места и времени.

Что представляют собой памятники орхон-енисейской письменности? По общепринятым данным, основанным на исследованиях С.Е. Малова, С.В. Киселева, А.Н. Бернштама, С.Г. Кляшторного и др., они относятся к VII–X вв. и написаны так называемым руническим письмом, восходящим через старосогдийское к арамейскому алфавиту. Язык надписей сформировался как нормативный литературный язык на основе *диалекта племени тюрк*, который объединял семь групп: ленско-прибайкальскую, енисейскую (тувинская и минусинская подгруппы), монгольскую, алтайскую, восточно-туркестанскую, среднеазиатскую (ферганская и семиреченские подгруппы), восточно-европейскую (донецкая и дунайские подгруппы). В политическом смысле надписи соответственно принадлежат племенному союзу курыкан, Кыргызскому государству, Восточно-Тюркскому каганату, Западно-Тюркскому каганату, Уйгурскому каганату в Монголии, Уйгурскому государству в Восточном Туркестане, печенежскому племенному союзу. Как видно, к языку орхон-енисейской письменности имели отношение многие племена или племенные союзы, расположенные или временно пребывавшие на огромной территории. Следовательно, одно только указание (хотя оно весьма ценно) на близость предков якутов к носителям орхон-енисейской письменности не решает в полной мере вопроса об исходных «точках» происхождения якутов, в первую очередь в этническом контексте.

Вместе с тем невозможно не обратить внимания на то, что в перечень носителей орхон-енисейской письменности специалистами включена ленско-прибайкальская группа языков, в политическом плане соответствующая племенному союзу курыкан. В связи с этим приведем несколько справочных данных. В новейших исследованиях установлено, что в Минусинскую котловину с конца III – до середины I в. до н.э. из Северо-Западной Монголии начали переселяться на земли к северу от Саян кыргызы, основавшие в VI в. государство енисейских кыргызов (по китайским источникам кыргызы – «хягас») [7. С. 264]. Это государство на восток простиралось до Гулигании (Прибайкалье), на юг – до Тибета (Восточного Туркестана), на юго-запад – до Гэлolu (карлуков в Семиречье). Нас интересует восточная граница Кыргызского государства, которая, как указано, доходила до Гулигании, населенной *курукканами*, обитавшими на верхней Ангаре [Там же]. Но Л.Н. Гумилев считает, что эта граница состояла из двух частей: основной (первой), проходившей по подножию Восточных Саян, и второй – по водоразделу Оби (приток Ангары) и

Ангары. В промежутке между ними жили три племена: дубо, т.е. тувинцы, миличе, т.е. меркиты, и эчжи, т.е. косоогольские урянхайцы ачжен. Это были лесные племена, на них часто нападали кыргызы, но они не оказывали должного сопротивления. «Зато, – продолжает Л.Н. Гумилев, – должный отпор кыргызы встретили от курыкан, живших на Ангаре» [7. С. 264]. А.И. Гоголев считает, что курыканская эпоха датируется VI–X вв. [8. С. 44].

Остается выяснить вопрос: кто такие курыканы? В той же «Истории Якутской АССР» А.П. Окладников установил, что ареалу распространения курыканов соответствует археологическая *курумчинская культура*, честь открытия которой принадлежала участникам Великой Северной экспедиции Российской АН XVIII в. и носители которой занимали огромную территорию *верхнего течения Ангары и Лены, вплоть до Байкала, включая остров Ольхон*. Курыканы известны прежде всего как кузнецы, отсюда археологи вывели и название «курумчинских кузнецов». Они плавил и ковали железо довольно высокого качества, умели изготавливать чугун и лить из него котлы. Они развили скотоводство относительно высокого уровня (разведение лошадей, коров и верблюдов); занимались охотой; около их городищ сохранились следы древних пашен, что говорит о том, что они были «первыми по времени земледельцами в Прибайкалье»; знали искусственное орошение полей. Курыканы вели оседлый образ жизни.

Однако самым примечательным в древней истории курыкан-курумчинцев, по мнению А.П. Окладникова, было то, что на территории их местожительства оказались древние надписи на древнетюркском языке, выполненные орхон-енисейским руническим шрифтом. Отсюда А.П. Окладников делает следующий вывод: «Таким образом, и к жителям Прибайкалья следует теперь отнести то, что отмечалось для их соседей по Селенге и на Енисее: наличие фонетической письменности с руническим шрифтом, достаточно прочно вошедшей в быт местного населения» [5. С. 304]. Этот вывод археолога интересен и для изучения генезиса олонхо с точки зрения выявления максимального разнообразия его вариантов, что позволило бы сравнить эти варианты между собой для того, чтобы определить исторический тип эпоса.

К нашей теме имеет отношение и другое наблюдение А.П. Окладникова о том, что курыканы VI–XI вв. по своему общественному строю «были близки к своим степным соседям», что «оформление олонхо протекало в условиях тесных культурно-исторических связей и постоянного взаимодействия предков якутов с их ближайшими родичами, предками нынешних саяно-алтайских племен» [Там же. С. 277]. Здесь важно обратить внимание на два момента: первый говорит о том, что курыканы были в близких отношениях с «соседями», в том числе, как показывают многие исследования, с енисейскими кыргызами, у которых, по мнению некоторых специалистов, уже с событий VI в. начал складываться древнейший доисторический, архаический тип богатырской сказки кыргызов – «Манас» [9. С. 90]; второй – если кыргызский эпос

определяется как «доисторический», «архаичный», то вырисовывается благодатная почва для сравнительно-исторического изучения якутского и киргизского эпосов.

Как видно, размышления А.П. Окладникова по вопросу о происхождении якутов в контексте истории тюркских народов выводит нас на историко-сравнительное изучение олонхо с эпосами тюркских народов.

Второй путь изучения нашей темы, обозначенный А.П. Окладниковым, выводит нас на *монголоязычные народы*, с которыми носители «древнетюркского языкового достояния находились в общении», причем «наиболее длительным и глубоким в силу определенных, исторически сложившихся причин» [5. С. 278–279]. В этом наблюдении А.П. Окладникова для нас представляется важным указание на то, что между носителями древнетюркского языка с монголоязычными народами было только *общение*, а не общее происхождение, потому в лексике якутского языка можно обнаружить только заимствования от монгольского языка новых слов, которые соответствовали новым условиям, прежде всего природным. Все это наводит на мысль, что общение носителей древнетюркского языка с монголоязычными народами произошло исторически позже, после того, когда под влиянием каких-то крупномасштабных событий произошло разрушение единого тюркского мира. Известно предположение А.П. Окладникова о времени проникновения монголоязычных народов в Прибайкалье – XI–XII вв. н.э. и о смене ими здесь местных, тюркоязычных аборигенов [Там же. С. 322]. А.И. Гоголев уточняет, что это произошло в X–XI вв. [8. С. 44]. Однако современные специалисты утверждают, что удовлетворительное решение вопроса о времени появления монголоязычных племен в Прибайкалье на основании только археологических материалов пока не представляется возможным. Но, как бы то ни было, еще не опровергнуто мнение о том, что тюркоязычная этническая общность в районе Прибайкалья существовала до появления здесь монголоязычного, особенно бурятского этноса. Именно в согласии с такими представлениями еще в 1950 г. историк Г.П. Башарин в одной из своих статей утверждал, что «близкое соприкосновение якутов с монголами, если оно имело место, относилось к периоду до XII в.» [10. С. 94]. Это очень важно. И этот вывод может быть связан с изучением происхождения якутского героического эпоса – олонхо, и даст возможность определиться со многими неизвестными историческими обстоятельствами древнейших тюрко-монгольских контактов. В нашем случае этому вопросу отводится особое место и его результаты могут внести определенную ясность в выявлении исторических корней эпоса олонхо. Остается не ясным прежде всего вопрос, насколько «длительным и глубоким» было общение носителей тюркского и монгольского языков, о котором говорил А.П. Окладников, и в состоянии ли мы рассматривать вопрос о монгольских истоках нашего эпоса?

Заслуга А.П. Окладникова в проведении историко-сравнительного изучения олонхо состоит в том, что в

его работах рассмотрены важнейшие вопросы древней истории этногенеза якутов, без которых невозможно выяснить древнейшие истоки якутского эпоса. Его взгляды на проблему в дальнейшем получили поддержку со стороны якутоведов, конечно же, с некоторыми дополнениями и уточнениями. Примечательно, что его исторические суждения опирались на широкое использование памятников эпического наследия якутов, которые в сочетании с археологическими источниками придают более или менее достоверный характер многим основополагающим положениям исследователя. Это прежде всего установление этногенетической общности происхождения предков современных якутов с тюркоязычными этносами Южной Сибири. Это установление этнического предка современных якутов в лице «Журумчинских кузнецов» – курыканов. Это установление исторического времени тюркоязычных предков современных якутов, соответствующее времени функционирования орхон-енисейской письменности тюрков – VII–VIII вв. Эти положения стали достоянием якутской историографии и создают историческую основу для сравнительного изучения якутского эпоса.

Л.Н. Гумилев, изучая историю древних тюрков, полностью доверяет А.П. Окладникову, использует его положения о курыканах как предков якутов. В то же время высказал одно положение, имеющее важное значение для решения вопроса о том, когда *куруканы откололись от остальных тюрков*. По его данным, это произошло в 30-х гг. VIII в., когда они «отходили от тюрков в сибирскую тайгу» [7. С. 326]. Для нас важна именно эта датировка, указывающая на заключительное время нахождения курыкан в составе тюркоязычных народов Южной Сибири. Если прав А.И. Гоголев в своем утверждении о том, что изолированное развитие языка прибайкальских курыкан началось в VI в. [8. С. 44], то надо полагать, что древние курыканы в тюркской среде вращались на протяжении двух с половиной веков. Они являлись самым северным племенем теле и жили по северную сторону Байкала [6. С. 69]. Надо сказать, что тогда слагалось эпическое творчество. Так, например, по мнению выдающегося эпосоведа С.С. Суразакова, сложение алтайского эпоса относится к V–VIII вв., к моменту разложения первобытно-общинного строя и появления тюркского государственного устройства – каганата [11]. Для нас это очень интересное наблюдение, синхронизирующееся с датировкой историками времени происхождения тюркского эпоса.

В последнее время историки предпринимают попытки обоснования нового взгляда на проблему происхождения тюркской общности, что не может не повлиять на казалось бы устоявшуюся точку зрения на происхождение якутского героического эпоса. В 2001 г. была издана «История Тувы» (Т. I), в которой значительное место отведено вопросам формирования тувинского этноса. Для нас представляют особый интерес разделы труда, посвященные гунно-сарматской и древнетюркской эпохам и содержащие довольно интересный материал по истории тюркской этнической общности, с которой напрямую связана пробле-

ма происхождения якутского этноса. Изложенный материал позволил авторам труда обратить внимание на то, что племенной союз хуннов был этнически неоднородным и включал тюркоязычное население, о чем свидетельствуют китайские летописи [6. С. 52]. Весьма любопытна информация авторов о том, что арочно-лопастной орнамент, характерный для сосудов кокельских племен, живших на окраине хуннского государства, имеет ближайшие аналогии в декорировке традиционных якутских сосудов-чоронов, подтверждая древние связи предков тувинцев и якутов [Там же. С. 59, 60]. То, что истоки якутского этноса обнаружены в памятниках хуннского мира значительно удревляет историю якутского этноса, ведь кокельская культура хуннов датируется периодом от начала I в. до н.э. до рубежа I–II вв. н.э. [Там же. С. 65]. В дальнейшем, с середины VI в., на территории Центральной Азии и Южной Сибири начинается формирование новой этнической общности тюрков-тююк, по происхождению тесно связанная с племенными объединениями хуннов, и создавшая I Тюркский каганат – крупнейшее государство, в составе которого состояли курыканы (гулиганы) – непосредственные предки современных якутов. С VI в. Курыканы заняли территорию по северную сторону Байкала. Таким образом, историки Тувы внесли нечто новое в изучение не только этногенеза тюркской общности, но и в выявление древних истоков якутского этноса в этнической истории хуннов.

Позицию тувинских историков в целом поддержал О.Дж. Осмонов, издавший в 2012 г. «Историю Кыргызстана» [12. С. 611], но для нас представляют прямой интерес размышления автора о происхождении эпоса у

кыргызов на общем фоне сложной картины тюркоязычной этнической истории. По данным Осмонова, предки кыргызов «издревле» соседствовали с тюркскими народами хунн, усунь, диилины и «после III в. до н.э. входили в состав единого и могучего объединения хуннов» [12. С. 87–88]. Кыргызы выступали на стороне хуннов в военных действиях против Китайской империи. Не прекращающиеся военные столкновения с Китаем и его вассалами находили свое отражение в народной памяти, попытках героизировать прошлое. О.Дж. Осмонов вполне справедливо пишет, что «с этой точки зрения заслуживают более пристального изучения предположения, что именно к эпохе господства хунн в Центральной Азии восходят истоки кыргызских героико-исторических дастанов (поэм, эпосов)» [Там же. С. 88]. Это наблюдение историка может быть применимо и при объяснении происхождения героического эпоса олонхо якутов, древние предки которых, как сказано выше, находились в составе разнородной этнической структуры Хуннского государства.

В последнее время удревление времени сложения тюркских этносов происходит на основе обобщения данных новых источников, в первую очередь археологических. В этом, как нам представляется, преуспел Л.С. Марсодолов, который констатирует, что «детальный анализ новых источников позволяет сделать выводы, что вполне реально проследить этногенез тюркских народов Саяна – Алтая с VIII–VI вв. до н.э., а не с V в. н.э., т.е. более чем на тысячу лет раньше, чем это принято сейчас [13. С. 14]. Этот новый взгляд на происхождение тюрков, думается, обратит внимание специалистов, изучающих проблему якутского героического эпоса олонхо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1937. Т. I. С. 3–55.
2. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. СПб., 1750. Кн. I. 620 с.
3. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки древней истории якутов. Якутск, 1992. Т. I, кн. I. 415 с.
4. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. 736 с.
5. Окладников А.П. История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. I: Якутия до присоединения к Русскому государству. 430 с.
6. История Тувы. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Наука, 2001. Т. I. 364 с.
7. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. 502 с.
8. Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993. 136 с.
9. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974. 727 с.
10. Башарин Г.П. Общественный строй якутов начала XVII в. // Вопросы истории. 1950. № 4. С. 91–102.
11. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М., 1985. 256 с.
12. Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Бишкек, 2012. 611 с.
13. Марсодолов Л.С. Этнокультурная история древних тюрков: новый взгляд // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона. Кызыл. 2010. С. 13–21.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 сентября 2015 г.

HISTORIANS ON THE ORIGIN OF THE YAKUT HEROIC EPIC

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 89–95. DOI: 10.17223/15617793/404/13

Ivanov Vasilij N. M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: institute-olonkho@mail.ru

Keywords: epic; olonkho; ethnicity; genesis; common language; Turks; Huns; Kurykan.

The paper first examines the contribution of historical science in the study of the genesis of the Yakut heroic epic olonkho, in particular to the definition of its historical time and place. Russian historian of the 18th century G.F. Miller wrote: “The characteristic difference of peoples is not in law and custom, not in food and fisheries, not in religion, because all of these principles can be similar for different tribe peoples, while different for one tribe people. The only unmistakable sign is a language: where languages are similar, there is no difference between peoples, where languages are different, one tribe is not to be sought”. Miller’s argument proved enduring: following him, almost all scholars studying the Yakuts on the principle of linguistic similarities located ancestors of the modern Yakuts in the South, more precisely in Southern Siberia. Many authors discussed the origin of the Yakuts. The article studies

in detail the views of V.L. Seroshevsky, the author of a well-known ethnographic work *The Yakuts*, where a special chapter named “On the Southern Origin of the Yakuts” is highlighted. The merit of this author is that he argued his opinion by monuments of folklore: epic and historical legends of the Yakuts. The thought of Seroshevsky about southern ancestors of the Yakuts proved tenacious, it was developed by G.V. Ksenofontov, the author of the monograph *Uraanghay-Sahalar* which reinforced the argument of Seroshevsky by reference to the prevailing economic life of the Yakuts associated with the breeding of cattle and horse livestock, a “branch” of the whole complex of the economic system of the Turks. With regard to the time of arrival of the Yakut ancestors in the basin of the river Lena, he sided with Seroshevsky, but he failed to cause any serious additional arguments. A more reasonable study of the problem is associated with the name of archaeologist A.P. Okladnikov, the author of volume I of *The History of Yakutia* which contains a special section “The Origin of the Yakut People”. The article analyzes in detail the author’s opinion of the southern origins of the Yakut ethnogenesis, based solely on the material of the Yakut epic. Okladnikov’s opinion that formalization of olonkho proceeded in close cultural and historical ties and continuous interaction of the Yakut ancestors with their closest relatives, the ancestors of the Sayan-Altai tribes, is of enduring importance to epic researchers. Okladnikov’s viewpoint is still dominant, almost all historians and epic researchers follow it. Recently, however, there are works in which the origin of the Turks and their culture is associated with the reign of the Huns in Central Asia. Such antiquating of the Turkic community is grounded in *The History of Tuva*, in a book by Kyrgyz historian O.Dzh. Osmonov *The History of Kyrgyzstan*, in an article of L.S. Marsadolov “The Ethno-Cultural History of the Ancient Turks: A New Look”, and others. They touch upon the problem of the Yakut ancestors’ origin and their culture; there is also a particular interest in the facts that the depths of the Hun society could be the origin of the Yakut heroic epic olonkho, which means it could appear a whole millennium earlier. This is a new word, but it requires further study.

REFERENCES

1. Bakhrushin, S.V. (1937) G.F. Miller kak istorik Sibiri [G.F. Miller, a historian of Siberia]. In: Miller, G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
2. Miller, G.F. (1750) *Opisanie Sibirskogo tsarstva* [Description of the Siberian kingdom]. Book 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
3. Ksenofontov, G.V. (1992) *Uraanghay-sakhalar. Ocherki drevney istorii yakutov* [Uraanghay-sahalar. Essays on ancient history of the Yakuts]. Vol. 1. Book 1. Yakutsk: Nats. izd-vo Respubliki Sakha.
4. Seroshevskiy, V.L. (1993) *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakuts. An experience of ethnographic research]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.
5. Okladnikov, A.P. (1955) *Istoriya Yakutskoy ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
6. Vaynshteyn, S.I. & Mannay-ool, M.Kh. (eds) (2001) *Istoriya Tuvy* [History of Tuva]. 2nd ed. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka.
7. Gumilev, L.N. (1967) *Drevnie tyurki* [Ancient Turks]. Moscow: Nauka.
8. Gogolev, A.I. (1993) *Yakuty (problemy etnogeneza i formirovaniya kul'tury)* [The Yakuts (problems of ethnogenesis and formation of culture)]. Yakutsk: Yakut State University.
9. Zhirmunskiy, V.M. (1974) *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [Turkic heroic epic]. Leningrad: Nauka.
10. Basharin, G.P. (1950) Obshchestvennyy stroy yakutov nachala XVII v. [The social system of the Yakuts at the beginning of the 17th century]. *Voprosy istorii*. 4. pp. 91–102.
11. Surazakov, S.S. (1985) *Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroic epic]. Moscow: Nauka.
12. Osmonov, O.Dzh. (2012) *Istoriya Kyrgyzstana (s drevneyshikh vremen do nashikh dnei)* [History of Kyrgyzstan (from ancient times to the present day)]. Bishkek: Poligrafbumresursy.
13. Marsadolov, L.S. (2010) Etnokul'turnaya istoriya drevnikh tyurok: novyy vzglyad [Ethno-cultural history of the ancient Turks: A New Look]. In: *Tuvinskaya pis'mennost' i voprosy issledovaniya pis'mennostey i pis'mennykh pamyatnikov Rossii i Tsentral'no-Aziatskogo regiona* [Tuva writing and research of scripts and written records of Russia and Central Asia]. Kyzyl; Abakan: Khakasskoye knizhnoye izdatel'stvo.

Received: 28 September 2015